

Техника и христианство

Проблема взаимоотношений техники с современной жизнью и с современным мирозерцанием с каждым днем все обостряется и становится все актуальнее. Символом этой актуальности является появление идей технократии — словечка, несмотря на свою новоявленность, успевшего облететь мир и взволновать умы. В самом деле, идея перехода власти от профессионалов политики к профессионалам техники и все, что с этим связано, в сущности означает коренную ломку мирозерцания и человеческих взаимоотношений.

Какими бы вѣроотступничествами Европа себя ни запятнала за свою многовѣковую историю, все же в основном ее культура и ее мирозерцание были, конечно, так или иначе христианскими. Даже в течение двух предпоследних вѣков технического прогресса в этом отношении как будто бы не произошло особо существенных сдвигов. Однако технической прогресс сдѣлал свое дѣло и, связавшись с социальными трансформациями, резко поставил тему об актуальности христианства в связи с результатами этого прогресса. Конечно, углубленно мыслящие философы и богословы могут только пожалеть плечами, зная, что основы их предметов находятся на недоступных глубинах и недостижимых высотах. Все это так, однако в связи с прогрессом техники и социальными трансформациями мѣняется психология восприятия этих высот и все мы, быть может, даже не замѣчая этого, видим там же первоосновные проблемы философии и богословия в ином свѣтѣ и выражаем их иным языком сравнительно с прежними вѣками. Что же касается так называемой толпы, то ее дехристианизация идет угрожающе-прогрессивными темпами и уже можно говорить о сплошном, проходящем порой через всю толщу массы, забвении не только Христа, но и самой идеи Бога. «Наш Спаситель — это машина» — цитирует Ганс Лилье лозунг большой социалистической прессы, в существенном выражающей ходячія мнѣнія и вкусы тол-

ны. Конечно, все это вульгарно до послѣдней степени — но нельзя не сознаться, что и эмпирическіе представители церкви и христіанскаго благочестія что-то просмотрѣли, что-то упустили из виду и, вообще, опоздали. Быть может, послѣднее мгновение еще не упущено, но секундная стрѣлка часов исторіи подходит к роковой чергѣ. «Бог поругаем не бывает», и вѣчной истины не дано попираť никому, но за судьбы эмпирическаго человѣчества, которому надлежит войти в вѣчный дом небесный, держатели ключей христіанской мудрости будут в сугубом отвѣтѣ.

Итак, что произошло в мірѣ в связи с обозначившимся господством машины? Отвѣтить на это можно слѣдующими двумя краткими предложениями:

1) Появилась новая форма бытія — организованная машина.

2) До основ оказалось расшатанным традиціонно-органическое міросозерцаніе, или, лучше сказать, міроощущеніе.

К этому можно и должно еще присоединить радикальную трансформацию матеріализма, из пассивно-механическаго и консервативнаго ставшаго активно-духовным и революціонно-прогрессивным фактором. В сущности, можно даже говорить об исчезновеніи матеріализма. Осталось только слово, сущность же его совершенно измѣнилась, превратившись в активный машинно-соціальный реализм. Эта новая форма философіи, безграмотно и невѣрно именуемая себя діалектическим матеріализмом, несмотря на свой неудачный псевдоним, представляет из себя явленіе весьма значительное и выросло в наше время на русской почвѣ.

Н. А. Бердяеву принадлежит блестящая мысль, что машина есть третья форма матеріальнаго бытія: ни органическая, ни цеорганическая, но «организованная». — Сюда же примыкают идеи Лафита. В срединѣ 19-го вѣка появилась философія техники Рудольфа Каппа, пытавшагося вывести технику из человѣческаго организма, котораго она как бы является продолженіем и подобіем. Ганс Лиліе в своей замѣчательной работѣ «Das technische Zeitalter» подверг эту систему идей уничтожающей, хотя и не совѣм справедливой критикѣ. Дѣйствитель-

но, на зарѣ своего развитія и даже в юношескую свою стадію техника можетъ быть разсматриваема, какъ продолженіе человѣческой органики, ея дополненіе и вооруженіе. С этой точки зрѣнія, человѣкъ дѣйствительно есть «животное изготовляющее орудія» («toolmaking animal») — пользуясь удачнымъ выраженіемъ Франклина. Однако усовершенствованія машинъ — прогрессъ в качествѣ и чрезвычайное умноженіе ихъ числа, прогрессъ в количествѣ, — существенно видоизмѣнили картину взаимоотношеній человѣка и машины. Выяснились титаническія и космическія возможности для человѣка, управляющаго машинами. Но этого мало. Самое существенное — это организація человѣчества, параллельная машинной — в многоединый волевой коллективъ. Это уже трансформация самого человѣческаго образа, настолько значительная, что Бухаринъ не безъ основанія заговорилъ о «коллективномъ сверхчеловѣкѣ». Да иначе и не могло быть, ибо лишь такой типъ организаціи соответствуетъ качеству и количеству современнаго машинизма. Можно смѣло утверждать, что не будь даже в поминѣ социалистическихъ и утопическихъ идей, возникшихъ в значительной степени из жажды моральнаго благообразія, — все равно, уже в силу техническаго прогресса произошла бы частичная или сплошная коллективизація человѣчества. В этомъ процессѣ есть нѣчто в высшей степени роковое, гнетущее своей принудительной неизбѣжностью — что тоже вступаетъ в конфликтъ с идеей христіанской свободы. Титанической волевой порывъ машинизированнаго коллектива в силу роковой необходимости долженъ поглощать волю отдѣльныхъ компонентовъ этого коллектива совершенно такъ же, какъ собранная и дѣйствующая машина поглощаетъ самостоятельность ея отдѣльныхъ частей.

Наблюдается слѣдующій діалектическій ход. Органической, патріархальный или полупатріархальный бытъ атомизируется в буржуазномъ индивидуализмѣ и консолидируется в машинно-соціальномъ коллективѣ. На путяхъ этой атомизаціи и слѣдующей за ней машинной консолидаціи происходитъ разрывъ с традиціями, в томъ числѣ и с традиціоннымъ бытовымъ церковнымъ укладомъ, который, напримѣръ, в нѣкоторыхъ слояхъ русскаго православія до сихъ поръ еще имѣетъ явно патріархальный характеръ.

Православіе поэтому не иммунизировано и очень часто благородно беззащитно против стального вихря современности. Католичество давно уже замѣлившее органику организаціей, оказывается практически в болѣе выгодном положеніи, хотя все же существенной разницы здѣсь нѣтъ. В обоих случаях эмпирическая церковь плелась в хвостѣ событій, вмѣсто того, чтобы вести за собой.

А между тѣмъ всѣ эти трансформациі не должны были бы задѣвать существа христіанской церкви, которая не есть ни организм, ни организація, но особая духовная сущность, именуемая соборным, канолическим бытіем. Это бытіе отражает взаимоотношеніе трех ипостасей Пресвятой Троицы, относительно которой будет уже явным нечестіем даже разсужденіе о том, организм ли это или организація. Пресвятая Троица есть Соборный Дух, именно в силу своей соборности безсмертный и возвышающійся как над органическим бытіем, так и над неорганическим и организованным — машинно-соціальным. Тому Соборному Духу и тому человечеству, которое живет и дѣйствует по Его образу, дано возвышаться над роковой и страшной діалектикой машинно-соціальной современности и судить ее.

Суд всегда означает сужденіе, а потому и пониманіе до мельчайших деталей, как в положительном так и в отрицательном. Менѣ всего судом и сужденіем будет отмахиваніе, открещиваніе и прочіе варианты политики страуса. Чтобы судить, нужно дѣйствовать, а чтобы дѣйствовать, нужно быть современным в самом передовом и жгучем смыслѣ этого слова. Тогда прогресс техники и связанный с ним процесс коллективизаціи перестанет быть роком, а станет объектом просвѣщенія и вдохновенія. И в нерковной и во внѣ-церковной философіи слишком долго пользовались расслабляющими и женственными наслажденіями бездѣйственного созерцанія, совершенно забыли про жгучую, мужественную правду, выраженную в словах гениальнаго Н. Ф. Федорова: «Мір дан нам не для поглядѣнія а для дѣланія». Двадцатый вѣкъ выставил двух крупных философов, поставивших проблему дѣйственного сознанія. Философы эти — Бергсон и Гейдеггер. Но в девятнадцатом вѣ-

къ в области соціологіи страшную силу дѣйственного познанія развил Маркс, взорвав ея буквально пол-міра. Несчастыя для современнаго культурнаго человѣчества в том, что силы дѣйственного познанія в философіи и соціологіи совершенно дискоординированы, не приведены в мало-мальски содѣйственное взаимоотношеніе, что усугубляет катастрофизм и без того непрочныхъ связей современнаго культурнаго бытія.

В наше время перегнули палку в противоположную сторону и, совершенно презрѣвъ познаніе, увлеклись исключительно практикой дѣйствій. Создалось положеніе, которое можно охарактеризовать словами :«Сходи не знаю куда, принеси не знаю что». Это практическое самоослѣпленіе человѣчества, утрата философскаго инстинкта приводит к безмѣрному духовно-нравственному сниженію. Ибо утрата философскихъ перспектив приводит к тому, что плохіе объекты укрѣпляются дѣйствіем и занимают мѣсто хороших, ослабленных бездѣйственнымъ созерцаніемъ предыдущихъ эпох.

Христіанство есть религія мужественнаго, дѣйственнаго духа, призваннаго судить, т.-е. итти вперед, и не оно отвѣтственно за грѣхи эмпирическихъ представителей церкви, но послѣдніе отвѣтственны перед ним.

В. Н. Ильин.